

Алан Александр Милн

Когда-то, давным-давно

[...Ранее](#)

продолжение

Именно так выглядели принцы во всех книгах, с которых она вытирала пыль. Именно такими были все семь принцев, которым Веселунг пообещал руку Гиацинты: принц Гансклякс из Трегона, принц Ульрих, герцог Нульборо и все остальные. Бедный принц Ульрих! В самый момент победы великан, под которого принц вел подкоп, свалился прямо на него, и принц потерял всякий вкус к приключениям. В течение всех последующих лет его приводило в трепет любое существо, размером превышающее золотую рыбку, и остаток жизни он провел в полном уединении.

– Я думаю, он темноволосый, – сказала Гиацинта.

Ее собственные волосы были цвета спелой ржи. Бедный принц Гансклякс – я только что о нем вспомнил. Ах, нет, это был герцог Нульборо. Небольшая размолвка с чародеем привела к тому, что голова герцога навек осталась повернутой задом наперед, и ему так часто говорили "до свидания", лишь только он входил в гостиную, что он совершенно охладел к светской жизни и не покидал пределов собственного дворца, а акробатическая ловкость, с которой он умудрялся есть суп, служила для придворных неиссякаемым источником восхищения. Но Гиацинта думала не о них, а о принце Удо. Гонец возвратился из Арабии с ответом, и прибытия его высочества ожидали на следующий день.

– Надеюсь, ему будет удобно в Пурпурной комнате, – говорила Гиацинта. – Только иногда мне кажется, что все-таки лучше было бы поместить его в Голубую.

Они уже поместили его в Голубую два дня назад, пока Гиацинте не пришла в голову мысль, что, может быть, ему будет удобнее в Пурпурной.

– Из Пурпурной вид лучше, – сказала всегда готовая помочь Виггз.

– Да, и солнца больше. Виггз, не забудь поставить там цветы... А книги?

– Я положила на ночной столик "Приключения странствующего рыцаря" и "Дикие животные у нас дома".

– О, я уверена, ему понравится. Теперь давай подумаем, что мы будем делать, когда он приедет. Это случится во второй половине дня, и, естественно, он захочет подкрепиться после путешествия.

– А что, если устроить пикник в лесу?

– Не думаю, чтобы кому-нибудь был особенно приятен пикник сразу после дальней дороги.

– Я обожаю пикники.

– Конечно, дорогая, но принц гораздо старше тебя, и в его жизни наверняка было так много пикников, что они ему могли надоест.

Полагаю, мне следовало бы принять его в Тронном Зале, но это так... так...

– Напыщенно, – подсказала Виггз.

– Вот именно. Мы будем чувствовать себя неловко. Я думаю принять его здесь, наверху. Я как-то меньше волнуюсь на свежем воздухе.

– А графиня будет?

– Нет, – холодно сказала принцесса. – Во всяком случае, – поправились она, – она не будет приглашена. Добрый день, графиня. ("Как это на нее похоже, войти именно в этот момент", – подумала Гиацинта.)

Графиня сделала реверанс:

– Добрый день, ваше высочество. Есть небольшое дело, касающееся вашего высочества. Я считаю своим долгом сообщить вам о результатах литературного состязания. – Она говорила очень мягко и тихо, будто уже простила принцессе незаслуженную обиду.

– Благодарю вас, графиня. Это очень интересно.

Графиня развернула длинный свиток.

– Премия присуждена... – она поднесла документ к самым глазам, – Шарлотте Гулигулинг!

– Понятно. Кто она такая?

– Женщина, заслуживающая всяческого уважения. Деньги придется ей как нельзя более кстати. Ее поэма заключает в себе ряд неоценимых поэтических достоинств в сочетании с необычайной широтой и... ээ... глубиной взгляда, подобных которым я никогда не встречала. Совершенная форма несет в себе, если можно так выразиться, заряд внутренней эмоциональности и пленяет читателя неповторимой яркостью и точностью сравнений... Короче говоря...

– Короче говоря, графиня, она вам нравится.

– Она бесподобна! Но разумеется, вы мечтаете ознакомиться с этим шедевром. В ней всего лишь двенадцать сотен строк. Я сейчас продекламирую ее вашему высочеству.

Держа развернутый во всю длину манускрипт левой рукой, она торжественно подняла вверх правую и начала голосом, звенящим от волнения:

Король Евралии отправился в поход...

– Графиня, пожалуйста, отложим это... Я сейчас очень занята. Завтра приезжает принц Удо и...

Губы Бельвейн продолжали двигаться, рукой она размахивала в такт размеру:

Приветственные возгласы и колокольный звон

И с севера, и с юга, и вообще со всех сторон...

Правой рукой графиня показала не только на север и на юг, но даже на восток и на запад. Клянусь...

– Сначала я приму его здесь лично, а потом...

за то святое дело умереть...

Бельвейн еле слышно закончила строку и прижала руку к сердцу, показывая, как это прекрасно.

– Простите, ваше высочество, я всецело поглощена этой замечательной поэмой. Умоляю ваше высочество прочесть ее.

Принцесса отложила манускрипт в сторону.

– Мне не чужды литературные восторги, графиня, и я, конечно, прочту ее, только потом. Я полностью доверяю вашему мнению и надеюсь, вы проследите за тем, чтобы приз был вручен тому, кто его достоин. А сейчас я повторяю: завтра приезжает принц Удо.

Графиня изобразила величайшее изумление.

– Принц Удо... Удо... так это, наверное, принц Удодий из Морковии – великан с тремя ногами!

– Принц Удо из Арабии, – сказала Гиацинта сухо.

– Мне кажется, я уже уведомляла об этом вашу светлость. Он пробудет у нас несколько месяцев.

– Но как это чудесно, ваше высочество, снова увидеть мужчину! Нам здесь так скучно в нашем узком кругу. Конечно, нам нужен мужчина, чтобы мы слегка вострепнулись, не правда ли, Виггз? Я немедленно распоряжусь насчет апартаментов для его высочества. Вы, несомненно, пожелаете поселить его в Пурпурной комнате...

Это решило вопрос.

– Ему будет предоставлена Голубая комната, – ледяным тоном распорядилась Гиацинта.

– Прекрасно, ваше высочество. Виггз, представь себе – снова увидеть мужчину! Я пойду и немедленно начну приготовления, если ваше высочество разрешит мне удалиться.

Слегка заинтригованная поведением графини, принцесса кивнула головой, и та действительно удалась.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Глава 11

Выясняется, что кресс-салат неплохо идет к ушам

Виггз в последний раз расправила складки скатерти и, склонив голову набок, оглядела стол.

– Ну вот, – сказала она. – Надо подумать, все ли здесь есть?

– А сардины? – спросила Воггз в своей обычной манере. (Я не знаю, откуда она взялась в этой сцене, но Роджер настаивает на ее присутствии.)

– Не думаю, чтобы принц ПРИНЦ любил САРДИНЫ.

– А если бы я ехала так долго, я бы просто мечтала о сардинах. Ведь Арабия очень далеко, правда?

– Ужасно далеко. Он ехал целую неделю. Может быть, – предположила Виггз с надеждой, – ему удалось перекусить по пути?

– Может, он захватил с собой бутерброды? – сказала Воггз, подумав, что уж она–то на месте принца непременно запаслась бы бутербродами.

– Как ты думаешь, Воггз, какой он?

Воггз думала довольно долго.

– Как король! – объявила она наконец и, подумав еще немного, добавила: – Только другой.

Вбежала принцесса – уже в пятый раз, – полная радостного нетерпения.

– Ну как, – спросила она, – все готово?

– Да, ваше королевское высочество, только мы с Воггз не совсем уверены насчет сардин. Принцесса счастливо рассмеялась:

– Я думаю, здесь всего вполне достаточно. И все выглядит очень мило.

Она обернулась и увидела особу, которую ей в этот момент меньше всего хотелось бы видеть.

Особа–которую–меньше–всего–хотелось–бы–видеть опустилась в необыкновенно эффектном реверансе.

– Прошу простить меня, ваше королевское высочество, – изрекла она. – Мне показалось, я забыла здесь бесценную рукопись Шарлотты

Гулигулинг. Нет, по–видимому, я ошиблась, ваше высочество. Я удалюсь, ваше высочество, поскольку полагаю, что ваше королевское

высочество по вполне понятным причинам желает принять его королевское высочество с глазу на глаз.

Согласитесь, после такой блистательной речи манера Воггз именовать всех без разбору "мэм" особенно впечатляет.

– Совсе нет, графиня, – неохотно проговорила принцесса. – Мы бы предпочли, чтобы вы остались и помогли нам принять его высочество.

Он слегка запаздывает.

Бельвейн очень огорчилась.

– Я так надеюсь, что с ним ничего не случилось по дороге. В последнее время у меня какие–то дурные предчувствия.

– Что с ним могло случиться? – сказала принцесса без особой тревоги.

– О, ваше королевское высочество, просто такое странное чувство...

Снизу послышался звук шагов и мужской голос. Принцесса и графиня, обе волнуясь, но по совершенно разным причинам, изобразили

приличествующую случаю приветственную улыбку. Виггз и Воггз застыли в позах, исполненных благовоспитанности, по краям стола.

Придворный художник с радостью запечатлел бы подобную сцену.

– Его королевское высочество наследный принц Арабии Удо! – торжественно объявила придворная дама.

"Даже немного страшно, – сказала Бельвейн про себя. – А вдруг кольцо подвело?"

Удо вбежал легкой рысью.

"Не подвело", – с удовлетворением отметила Бельвейн.

Принцесса Гиацинта вскрикнула и отшатнулась. Виггз, хорошо знакомая с подобными маленькими происшествиями из книг, с которых она

вытирала пыль, и Воггз, питавшая природную любовь к животным, не дрогнули.

Присутствие графини оказалось более чем кстати.

– Позвольте мне, – церемонно произнесла она, выступая вперед на один шаг, – представить вашему королевскому высочеству его

королевское высочество наследного принца Арабии Удо!

– Принца Удо? – повторила Гиацинта, все еще не желая верить своим глазам.

– Боюсь, что это именно так, – мрачно произнес Удо.

В последние дни он много раз представлял себе эту встречу и теперь пришел к выводу, что недооценивал трудности.

Гиацинта вспомнила, что она принцесса и женщина.

– Я счастлива приветствовать ваше королевское высочество в Евралии. Не хотите ли присесть... ээ... прилечь... (Что вообще делают кролики?

Или кто?)

Удо предпочел сесть на задние лапы.

– Благодарю вас. Вы не представляете себе, как трудно говорить с тем, кто выше тебя, стоя на четырех ногах. Так устает шея...

Наступило неловкое молчание. Никто не знал, что сказать.

Кроме Бельвейн.

Она обратилась к Удо со своей самой очаровательной улыбкой и самым любезным тоном задала вопрос:

– Понравилось ли вам путешествие?

– Нет, – пробурчал Удо.

– Да скажите же, что с вами случилось? – вскричала, не выдержав. Гиацинта. – Встретился злой волшебник? Ой, простите меня, пожалуйста.

Когда не очень хорошо себя чувствуешь, некоторые вопросы не могут не вызывать раздражения.

– Разве вы не видите, что со мной случилось? – отвечал Удо довольно резко. – А вот как это случилось, я не знаю. На второй день пути из

Арабии...

– Простите, ваше высочество, это не ваш хвост в солонке? – сказала Виггз. Она вынула хвост, встряхнула его и подала принцу.

– Спасибо, спасибо. На второй день пути в Евралию я проснулся после дневного сна вот в таком виде. Попробуйте представить себе мои

чувства. Первое, что мне пришло в голову, – это вернуться домой и скрыться от людских глаз. Но, принцесса, я решил, что я вам нужен!

Конечно, Гиацинта была тронута до глубины души, когда Удо произнес последнюю фразу, мило прижав ушки и расправляя лапами усы, но

все же она успела мельком подумать: а что ей теперь с ним, собственнo говоря, делать?

– И что же вы ощущаете? – мягко встала Бельвейн, зная, что мужчины всегда рады случаю поговорить о себе.

Удо ответил не сразу, потому что ему попался на глаза накрытый стол, и он уставился на него со смешанным чувством надежды,

отвращения и покорности судьбе.

– Что я очень, очень голоден, – наконец произнес он с видом человека, уверенного в своих словах.

Принцесса, мысли которой, казалось, блуждали где–то далеко, внезапно пробудилась.

– Ах, простите, я веду себя неприлично, – сказала она с улыбкой, за которую самый бессердечный из людей простил бы ей все, что угодно.

– Прошу за стол. Позвольте мне представить вашему высочеству графиню Бельвейн.

– Подать ему руку или погладить по голове? – пробормотала блюстительница придворного этикета, в первый раз в жизни растерявшись.

Удо приложил лапу к сердцу и отвесил учтивый поклон.

– Я очарован, – галантно произнес он, а любая галантность, исходящая от помеси льва, кролика и барашка, не может не произвести самого

приятного впечатления.

Они расселись по местам.

– Немного шербета, ваше высочество? – предложила Гиацинта, наполняя кубки.

Удо собирался было сказать "да", но заколебался.

– Не уверен, что могу себе это позволить.

– Шербет очень вкусный, – заметила Виггз, чтобы разрешить его сомнения.

– Не сомневаюсь, милая. Весь вопрос в том, люблю ли я шербет?

– Разве можно не знать, любишь шербет или нет?

– Оставь в покое его высочество, Виггз, – вмешалась Гиацинта и предложила принцу сэндвич с олениной.

– Весь вопрос в том, люблю ли я сэндвичи с олениной?

– Я люблю, – объявила Воггз всем, кого это могло интересовать.

– Видите ли, – объяснил Удо, – на самом деле я не знаю, что я люблю.

Все удивились, особенно Воггз. Бельвейн слишком наслаждалась происходящим, чтобы разговаривать, и принцесса попросила Удо

пояснить, что он имеет в виду, чем его очень обрадовала. Это был как раз тот предмет, который он давно уже стремился обсудить.

– Ну, хорошо, – начал он, сев поудобнее, так что Виггз на этот раз пришлось извлекать его хвост из горчицы. – Кто?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Никто не отважился высказать свое мнение.

– Заяц ли я? Если да, то передайте мне желе из красной смородины или что там еще едят зайцы.

Хозяйка встревоженным взглядом блуждала по столу в поисках подходящего угощения.

– Может, я лев? – продолжал Удо, развивая тему. – Тогда передайте мне Виггз.

– О, пожалуйста, не надо быть львом, – попросила Виггз, ласково потрепав его по загривку.

– Но разве у вас нет внутреннего чувства, которое подсказывает вам...

– У меня есть внутреннее чувство пустоты. Я жажду чего-то, только не знаю, чего именно.

– Надеюсь, это не сардины, – шепнула Виггз Воггз.

– Но чем вы питались по дороге? – спросила Гиацинта.

– О, в основном травой и тому подобными вещами. Мне казалось, что трава не причинит вреда.

– И что же? Она не причинила вреда? – участливо осведомилась графиня.

Удо отвечал мрачным молчанием.

– Я знаю, что это глупо с моей стороны, – сказала Гиацинта, – но я все-таки не понимаю. Казалось бы, что, если вы... ээ...

– Вот именно, – сказал Удо.

– ...то вы должны инстинктивно чувствовать, что... ээ...

– Совершенно верно, – сказал Удо. – ...едят.

– А-а, я так и знал, что вам это придет в голову. Я и сам так думал, когда... когда плохо себя почувствовал. Но я кое-что попробовал на практике, и ничего не вышло. С тех пор я много времени посвятил обдумыванию этого вопроса и...

– Как это интересно, – с энтузиазмом поддержала его графиня, устраиваясь поудобнее. – Пожалуйста, продолжайте.

– Ну что ж. Когда я... – он кашлянул и застенчиво обвел взглядом присутствующих. – А вам не кажется, что это слишком деликатный предмет?

– Что вы, вовсе нет, – пробормотала Гиацинта.

– Так вот. Когда волшебник хочет вам досадить, он обычно превращает вас в какое-нибудь животное.

Графиня покраснела – в первый раз с тех пор, как ей исполнилось семнадцать – и заметила:

– Действительно, это довольно распространенная шутка среди волшебников...

– Но подумайте, если вы стали настоящим животным, вас это ничуть не должно раздражать. Слон не печалится из-за того, что он слон. Он просто старается быть хорошим слоном и почувствует себя несчастным, только если, например, что-нибудь случится с его хоботом. А вот выглядеть как слон, иметь сложную... ээ... внутреннюю форму слона и в то же время оставаться человеком – это действительно несчастье.

Всем было очень интересно. Воггз надеялась на то, что Удо откроет наконец тайну и она все-таки узнает, какое он животное, но ее ожидало разочарование. В конце концов, в нынешнем положении Удо оказались кое-какие преимущества. По крайней мере, его никогда не слушали с таким вниманием, когда он был человеком.

– Теперь представьте на минуту, что я – лев. Я обладаю строением льва, но возвышенной душой и мыслями принца. Итак, какая-то часть меня жаждет сырого мяса, и тем не менее более высокая часть моего существа (он приложил лапу к сердцу)... ну, словом, можете себе представить, что бы вы чувствовали на моем месте.

Принцесса содрогнулась.

– Да, могу, – сказала она убежденно. Графиня, хотя и слушала Удо со вниманием, стала находить предмет беседы несколько низменным.

– Видите ли, в чем суть дела, – продолжал Удо. – Ребенок, если его предоставить самому себе, не знает, что для него хорошо, а что плохо.

Предоставленный самому себе, он будет есть все подряд. А теперь превратите человека в животное – и он окажется точно в таком же положении, как тот ребенок.

– Я об этом никогда не думала, – призналась Гиацинта.

– Мне пришлось об этом подумать. Давайте пойдем дальше.

Он явно был в восторге от самого себя. В последний раз нечто подобное он ощущал, когда обращался с приветственной речью к самым знатым жителям Арабии по случаю своего совершеннолетия.

– Предположим снова, что я лев. Из того, что мне приходилось читать или слышать о львах, известно, что с львиной... натурой более всего другого согласуется сырое мясо, и было бы глупо с моей стороны не обратиться к такому способу поддержания существования, несмотря на то что это может произвести крайне неприятное впечатление на окружающих. Но если вы даже не знаете, какое вы животное, положение становится еще сложнее. Приходится перепробовать массу всевозможных ужасных вещей, чтобы выяснить, что вам годится.

В его глазах появилось странное выражение – выражение, в котором сосредоточилась память о весьма болезненных ощущениях.

– Я экспериментировал, – сказал он угрюмо. – Три последних дня...

Все посмотрели на него с грустью и сочувствием. Кроме Бельвейн, конечно.

– И что же вам годится? – непринужденно спросила она.

– Как ни странно, – Удо слегка развеселился, – банановые олады. Приходилось ли вам когда-нибудь держать зверька, который питается банановыми оладьями?

– Никогда, – улыбнулась принцесса.

– Так вот, этим самым животным, возможно, я и являюсь. – Он тяжело вздохнул и добавил: – Есть одно-два животных, которыми я точно не являюсь... – Некоторое время он, казалось, перебирал в уме наиболее горькие воспоминания. – Не думаю, чтобы кто-нибудь из вас мог представить, что чувствуешь, когда пытаешься проглотить чертополох. Можно попробовать сэндвич с кресс-салатом? К хвосту он, конечно, не идет, но, кажется, неплохо сочетается с ушами. – Он откусил большой кусок и пробормотал сквозь салатные листья: – Надеюсь, принцесса, я не слишком утомил вас своими неприятностями?

Гиацинта с искренним чувством крепко сжала его лапу:

– Дорогой принц Удо, я жажду вам помочь. Мы обязательно что-нибудь придумаем и снимем с вас эти ужасные чары. В библиотеке так много всяких мудрых книг – там наверняка можно найти массу полезных советов. О, я уверена, вы очень скоро поправитесь.

– Вы очень добры, принцесса. Вы понимаете, что значит подобное положение для человека с моим характером. – Он наклонился к Виггз и спросил вполголоса:

– Как их делают? (Имея в виду сэндвичи.)

Грациозно изогнув стан, Бельвейн поднялась:

– У меня еще есть дела. Нужно распорядиться, чтобы приготовили подстилку... – Она запнулась, сделав вид, что ужасно смущена. – Как глупо с моей стороны – я имела в виду ложе для вашего королевского высочества. Ваше высочество, вы разрешите мне удалиться?

Ее высочество разрешала.

– И вы, девочки, бегите и посмотрите, не нужна ли ваша помощь. Оставьте нам сэндвичи с кресс-салатом, – добавила принцесса, потому что Виггз с некоторым сомнением посматривала то на блюдо, то на принца.

Благодарно взглянув на ее высочество, Удо приступил к следующему сэндвичу.

Глава 12

Мы считаем, что надо сообщить отцу Удо о его поведении

– Теперь, дорогая принцесса, – сказал Удо, как только они остались одни, – позвольте узнать, чем я могу вам помочь.

– О, принц Удо, – голос Гиацинты стал серьезным, – это было так благородно с вашей стороны откликнуться на мою просьбу. Меня не покидает чувство: в том, что с вами произошло, есть доля моей вины. Это могло случиться из-за того, что я пригласила вас сюда.

– Вовсе нет, принцесса. Подобная неприятность может случиться с кем угодно и где угодно. Если я еще нужен вам, прошу вас, расскажите мне все. И хотя мои физические возможности сейчас далеко не те, что прежде, смею вас уверить, что умственные ни в коем случае не пострадали.

Он откусил еще кусок сэндвича и с умным видом покивал головой.

– Давайте перейдем сюда, – предложила Гиацинта. Она прошла к старинному каменному сиденью у стены (Удо последовал за ней, не расставаясь с тарелкой) и села, оставив для него место.

Каждый знает, как указать джентльмену, что он может присесть рядом с вами и рассказать, что он делал в городе вчера вечером, и каждый знает, как похлопать рукой по дивану, чтобы Фидо прыгнул на него и был-хорошей-собакой-и-лежал-смирно. Гиацинте очень тактично удалось изобразить нечто среднее между этими жестами, и Удо грациозно вскочил на скамью.

– Теперь можно поговорить, – сказала Гиацинта. – Что вы думаете об этой даме, которую я вам представила?

Удо был уже достаточно взрослым, чтобы знать, как отвечать на такие вопросы.

– Я почти не обратил на нее внимания. – И он, склонив голову, начал: – Естественно, когда ваше высочество... О, прошу прощения, вам,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

наверное, мешают мои уши...

– Ничего, ничего, – отвечала Гиацинта, поправляя волосы. – Так вот, я пригласила вас сюда из-за этой женщины.

– Но я не могу жениться на ней в таком виде, ваше высочество.

Принцесса, вздрогнув, взглянула на него, и принц сразу понял, что дал маху. Чтобы скрыть смущение, он взял следующий сэндвич и съел его очень быстро.

– Мне нужна ваша поддержка, – несколько отчужденно заговорила Гиацинта. – Она что-то замышляет против меня.

– О, ваше высочество, я теперь понимаю, – Удо покачал головой так, что сразу стало ясно: принцесса наконец-то напала на нужного человека.

– Я ей не доверяю.

– И это неудивительно. Я тоже кое-что заметил.

– Что же?

– Вспомните, что произошло, когда я появился. Вы, ваше высочество, естественно, слегка испугались, эти две маленькие девочки смотрели на меня с восторженным изумлением, а что графиня Бельвейн? Что она сделала?

– А что она сделала?

– В том-то и дело, что ничего, – с торжеством объявил Удо. – Она не удивилась, не огорчилась и не испугалась.

– Да, пожалуй, теперь я это припоминаю.

– А ведь тем не менее, – проговорил Удо наполовину жалобно, наполовину гордо, – принцы обычно выглядят по-другому. Почему же она не удивилась?

Гиацинта была озадачена.

– Она знала, что вы за мной посылали? – последовал вопрос Удо.

– Да.

– Потому что вам стало что-то известно про нее?

– Да.

– Тогда положитесь на мои слова – это сделала она!

– Но как? – воскликнула принцесса. – Хотя это именно то, чего от нее можно было бы ожидать.

Удо не ответил. Он соскочил с сиденья и в негодовании бегал взад и вперед по комнате, чтобы не обнаруживать своих чувств перед дамой.

– Как ей это удалось? – недоумевала Гиацинта.

– О, подговорила какого-нибудь волшебника или что-то в этом роде, – нетерпеливо бросил Удо, продолжая бегать.

Вдруг он резко остановился перед принцессой:

– Если бы только знать наверняка, что я лев.

Он попробовал зарычать, тонким голосом воскликнул, что это не считается, и снова попробовал.

– Нет, по-видимому, я все-таки не лев, – признал он печально.

Гиацинта предложила:

– Надо придумать план.

– Да, надо придумать план, – вяло согласился Удо и, расстроенный, снова уселся рядом с ней.

Он не мог больше скрывать от себя, что он не лев. Этот факт совершенно лишил его присутствия духа.

– Я думаю, что проявляла недостаточную твердость, но с тех пор, как мужчины уехали на войну, эта женщина практически захватила власть в стране. Мне кажется, что она может готовить заговор, я знаю, что она грабит меня. Я вызвала вас сюда, чтобы вы помогли мне с ней справиться.

Удо с важным видом кивнул.

– Надо установить за ней слежку.

– Да, но на это могут уйти месяцы.

– Вы сказали, месяцы? – встрепенулс Удо.

– Да, а в чем дело?

– Ну, дело в том, – замялся Удо, – я знаю, что это очень глупо с моей стороны, но будем надеяться, что все обойдется...

– Но в чем же дело?

Удо окончательно сконфузился. Он вилял хвостом, чертил задней лапой небольшие круги и бросал на принцессу застенчивые взгляды.

– Ну, я... – он нервно хихикнул, – я подозреваю, что я из тех зверей, – он снова хихикнул, – которые впадают в зимнюю спячку. Будет очень неловко, – его задняя лапа снова стала выписывать круги, – если мне придется выкопать норку в земле как раз в тот момент, когда заговор созреет.

– О, это было бы ужасно, – в отчаянии сказала Гиацинта.

Они оба молчали некоторое время, представляя себе всевозможные осложнения. Хвост Удо случайно оказался у Гиацинты на коленях, и она рассеянно теребила его в руках.

Принцесса первая прервала молчание:

– Как бы то ни было, сейчас еще только июль.

– Да, да, – ответил Удо. – Возможно, я буду свободен приблизительно до ноября. До того времени надо бы все разузнать... О-о! – он вдруг подскочил в сильном волнении. – Я только что подумал... Мне ведь придется запастись орехами и тому подобными вещами.

– На самом деле...

– Пожалуй, придется начать уже довольно скоро. Знаете, у меня ведь нет практики. Лезть на деревья за орехами, – продолжал он сонно, – какой удел для...

– О, пожалуйста, не надо, – взмолилась Гиацинта. – Кажется, это делают только белки.

– Да, пожалуй. Значит, если бы я был белкой, мне... Вы не могли бы вернуть на минуту мой хвост?

– О, простите, пожалуйста. – Гиацинта пришла в ужас, осознав, какую вольность допустила.

– Что вы, что вы, ничего страшного...

Он взял хвост в переднюю лапу.

– Сейчас посмотрим. Наблюдайте за мной.

Сидя на задних лапах, он загнул хвост над головой и, отпустив его, стал быстро-быстро грызть сэндвич, зажатый в передних.

Прекрасный сюжет для художника...

Но неподходящая модель. Хвост со стуком упал на землю.

– Ну вот. Все понятно. Я не белка!

– Ах, я так рада, – сказала Гиацинта, полностью убежденная этой демонстрацией.

– Ну тогда все в порядке. Можно разрабатывать план действий. Прежде всего, не следует... – он вдруг замолчал, и Гиацинта увидела, что он разглядывает свой хвост.

– Да?

Он поднял хвост и положил его перед собой. На середине хвоста был большой узел.

– Что же мне надо было запомнить? – он задумчиво потер лоб.

Бедная Гиацинта!

– О, милый принц Удо! Мне так жаль. Боюсь, что это сделала я – задумавшись.

Удо, как галантный кавалер, сразу же подхватил.

– Узел верности, – начал он с грациозным покло...

Нет, он вовремя остановился. Ох уж эти уши! С ними невозможно проявить обычную вежливость.

– Ах, Удо! – порывисто воскликнула Гиацинта. – Если бы только я могла вернуть вам ваш истинный облик!

– Да, хорошо бы, – ответил Удо, снова становясь практичным. – Но как это сделать? Еще один сэндвич, – сказал он извиняющимся тоном. –

Они так идут к ушам.

– Я пригрожу графине. Скажу, что, если она не заставит волшебника расколдовать вас, я посажу ее в тюрьму.

Удо не слушал. Он погрузился в собственные мысли.

– Банановые оладьи и сэндвичи с кресс-салатом, – бормотал он. – Думаю, другого такого зверя не сыщешь...

– Конечно, – продолжала принцесса, тоже наполовину сама себе, – часть народа может принять ее сторону – те, которых она подкупила.

Если она...

– Хорошо, хорошо, – остановил ее Удо. – Оставьте графиню мне. В ваших сэндвичах есть что-то, от чего я способен на все, – что-то

вдохновляющее. Я чувствую себя новым... кем бы я ни был!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Не кажется ли вам, что Удо слишком уж разошелся и что он мог бы вести себя поскромнее?

– Вообще-то, – размышляла Гиацинта вслух, – я могла бы написать отцу и попросить прислать кого-нибудь из мужчин, но очень не хочется этого делать. Не хочу, чтобы он думал, что я не справилась.

– Удивительно, какие вещи иногда приходят в голову, – говорил, тем временем, Удо. – Возможно, я все-таки кролик. Интересно, как я буду выглядеть за проволоочной сеткой? – Он откусил еще кусок и продолжал:

– Интересно, что я сделаю, если увижу хорька. Надеюсь, у вас нет ручного хорька, принцесса?

– Простите, принц, не расслышала. Я думала о другом. Что вы сказали?

– Ничего, ничего. Просто разные мысли...

Удо протянул руку к тарелке и обнаружил, что она пуста. Он сел поудобнее и, казалось, слегка задремал, как вдруг его внимание привлек узел на хвосте. Он принялся его лениво развязывать, сонно бормоча:

– Хорошо бы, я мог жалить хвостом... но, кажется мой не из таких. Вот было бы на хвосте жало...

Он начал тщательно ощупывать кончик хвоста.

– Интересно, есть ли у меня вообще жало? – он закрыл глаза. – Я бы с удовольствием ужалил графиню... Прямо в шею, всю шею бы изжалил, всю.. – И принц Удо погрузился в сон.

Недостойное поведение! Роджер Кривоног пытается оправдать принца, ссылаясь на палящий зной и действие одного-двух сэндвичей с кресс-салатом на пустой... на человека, который несколько дней ничего не ел. Как подействовали на Удо сэндвичи с кресс-салатом, мы и сами только что видели. Но Роджер забывает упомянуть о том, что сэндвичей-то было двадцать один или двадцать два. Что там ни говори, не стоит отрицать – поведение принца оставляло желать лучшего.

Если бы я там оказался, то немедленно написал бы его отцу.

Гиацинта взирала на эту картину с довольно противоречивыми чувствами. Конечно, ей было его очень жалко.

"Бедняга, – думала она, – туго ему пришлось". Но согласитесь, сочувствие постепенно становится все менее искренним, когда слишком долго смотришь на помесь льва, кролика и тонкорунного барашка, особенно если часть, принадлежащая кролику, тихонько похрапывает, приоткрыв рот.

И потом, что ей с ним делать? Получается, что теперь у нее на руках двое – графиня и он. Бельвейн только выиграла от присутствия принца: она вполне может использовать его в своих целях: Ваше высочество будет делать то-то и то-то, или его высочество навсегда останется кроликом. И куда денешься?

Ладно, об этом она подумает завтра. Сейчас и так достаточно сложностей, и первая из них – это то, как с ним вообще обращаться. Годится ли ему теперь Голубая комната? Гиацинта вдруг осознала, что хозяйке, принимающей у себя такую коллекцию животных, как принц Удо, придется проявить чудеса тактичности. Может, он сам скажет, что ему нужно, когда проснется. Пусть пока поспит.

Она еще раз взглянула на принца, невольно улыбнулась и быстро спустилась по лестнице во дворец.

Глава 13

"Цвета" рифмуется с "рассвета"

Удо проснулся в довольно бодром настроении и решил немедленно начать проводить твердую политику в отношении графини. Найти Бельвейн оказалось несложно: дворец был битком набит прислугой, занятой неотложными делами, позволяющими хоть мельком взглянуть на гостя, после чего все разбегались по углам, прикрывая ладонью рот и с трясущимися плечами. Одна из служанок, лучше владевшая собой, чем остальные, проводила рассерженного принца в сад графини.

Графиня Бельвейн гуляла по мощеным дорожкам между клумбами лаванды. Заметив Удо, она остановилась, опершись локтями на солнечные часы и насмешливо его разглядывая. На часах было выгравировано: "Если тучи застыт небосвод, ни одна минута не пройдет" – изречение, придуманное графиней однажды в дождливый полдень.

– А-а, вот мы где! – начал Удо довольно противным тоном.

– Да, вот мы где, – очень приветливо отозвалась графиня. – И нас здесь довольно много, не так ли?

И вдруг начала хохотать как безумная.

– Ой, я сейчас умру! О, принц Удо, я от вас в восторге! Можете считать меня вашей жертвой...

Легко сердиться на человека, который над вами смеется, но трудно произвести на него впечатление, к которому стремишься, особенно когда... но нет нужды снова описывать обличие Удо.

– Не вижу тут ничего смешного, – проговорил он угрюмо. – Для интеллигентного человека внешность – не главное.

– Но она может быть очень смешной, разве нет? Я хотела, чтобы с вами случилось что-нибудь позабавнее, но никак не думала...

– Ага! – торжествуя сказал Удо. – Вот оно!

Он произнес это тоном опытного следователя, который наконец добился признания увиливающего обвиняемого. Такой тон может показаться уместным лишь в устах человека, обладающего внушительным обликом служителя закона. Может быть, поэтому Бельвейн снова рассмеялась.

– Вы практически признались в том, что сделали это, – с важностью изрек У до.

– Что "это"? – невинно поинтересовалась графиня.

– Превратили меня в... ээ...

– Кролика?

Подобное мнение о его внешности уже в который раз произвело на Удо самое неприятное впечатление, и он запальчиво спросил:

– Почему вы думаете, что я кролик?

– Кто бы вы ни были, но вы никогда не осмелитесь показаться у себя в стране в таком виде.

– Берегитесь, женщина! Это уже слишком. Не будите во мне льва!

– Где? – воскликнула графиня с детским любопытством.

Жестом, исполненным достоинства и свидетельствующим о безупречности манер, принц указал на хвост.

– Это, – заметила Бельвейн, пренебрежительно усмехнувшись, – не та часть льва, которая могла бы меня напугать.

Удо был сражен наповал, но через некоторое время опомнился и взял себя в руки.

– Даже если предположить – так просто, к примеру, – что я кролик, я все же кое на что способен. Возьму и съем ваши гвоздики!

Бельвейн обожала свой сад, но ее поддерживала мысль о том, что сейчас еще только июль, о чем она и сообщила Удо.

– Не обязательно гвоздики, – предупредил Удо.

– Не хотелось бы спорить с тем, кто (простите меня) обладает внутренним знанием предмета, но, мне кажется, сейчас в моем саду нет ничего, что могло бы порадовать кролика.

– Пусть не радуется, – героически отвечивал Удо. – Я готов рискнуть!

Это было уже серьезнее. Ее милый сад, где она слагает стихи, обращенный в руны – нет, в руины – происками врага. Сама мысль об этом была невыносимой.

– Вы не кролик, – поспешно заговорила графиня. – Не настоящий кролик, потому что... потому что не умеете как следует шевелить носом.

– Умею, – решительно заявил Удо. – Просто не хочу.

– О, покажите, пожалуйста! – Бельвейн всплеснула руками в радостном нетерпении.

Не для того он пришел в этот сад, и, несомненно, шевеление носом не могло не нанести ущерба чести царствующей фамилии Арабии. Но, что поделаешь, эта ужасная женщина могла кого угодно заставить плясать под свою дудку.

– Вот так, – сказал Удо.

Графиня окинула его критическим взглядом.

– Нет. Совсем неправильно.

– Естественно, я сейчас немного не в форме.

– Мне очень жаль, – заметила Бельвейн, – но боюсь, что дело не в форме.

Удо уже давно подумывал о том, что разговор как-то не клеится, во всяком случае, он рассчитывал на другое. Необходимо перехватить инициативу.

– Довольно, графиня, – проговорил он очень грозно. – Я слышал ваше признание. Это вы меня заколдовали.

– Конечно, я. Очень вы мне были тут нужны – вмешиваться в мои планы!

– Планы ограбления принцессы!

Бельвейн чувствовала, что бесполезно пытаться объяснять Удо принципы помощи бедным. Куда деваться от ограниченных людей вроде Удо или Роджера Кривонога? Спорить с такими – только попусту тратить время.

– Мои планы, – повторила она.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Очень хорошо. Я прямо сейчас иду к принцессе, и она публично сорвет с вас маску.

Лицо Бельвейн озарилось лучезарной улыбкой – не часто выпадает такой случай.

– А кто, – спросила она самым сладким голосом, – сорвет маску с вас, чтобы люди смогли увидеть настоящего принца Удо?

– Что вы имеете в виду? – удивился Удо, хотя уже начинал догадываться.

– Эта благородная внешность, которой по праву так гордится Арабия, где она? Кто откроет ее народу? Представьте себе, что бы они все подумали, если бы увидели вас в этот момент!

Теперь до Удо наконец дошло. Гиацинта поняла это гораздо раньше.

– Вы имеете в виду, что если ее высочество будет выполнять ваши указания, то вы вернете мне прежний облик, а если нет, то...

Бельвейн с сожалением вздохнула. Как часто заурядные люди превратно толкуют побуждения выдающейся личности! Она не сомневалась, что будущие историки представят все именно в таком свете. (Что касается Роджера, то она оказалась совершенно права.)

Осознав всю безвыходность положения, Удо не выдержал и, презрев галантность, гигантским прыжком бросился на графиню. Она грациозно скользнула за солнечные часы, изобразив очаровательный испуг... но уже в следующий момент Удо решил, что, пожалуй, не стоит выяснять отношения с дамой такими грубыми методами. Прийти к этому решению ему в значительной мере помогло то обстоятельство, что хвост застрял.

Бельвейн в мгновение ока оказалась рядом:

– Тихо, тихо... Ничего страшного. Я помогу вашему высочеству. – И, высвобождая хвост, она назидательно заметила: – Из всего следует извлекать маленькие уроки. Подумайте, вот если бы вы были кроликом, ничего подобного не случилось бы.

– Нет, я даже не кролик, – отвечал Удо с грустью. – Я просто ничто...

Бельвейн опустила в глубоком реверансе.

– Вы – его высочество, наследный принц Арабии Удо. Солома для вашего королевского высочества готова. Когда вашему высочеству будет угодно удалиться на отдых?

Пожалуй, это было слишком жестоко с ее стороны. Я не стал бы приписывать графине таких высказываний, но Роджер настаивает.

– Сейчас же, – ответил Удо и печально поскакал прочь. Это был самый достойный момент во всем его пребывании в Евралии.

По дороге он встретил Виггз и мрачно сказал ей:

– Виггз, если ты можешь хоть чем-нибудь досадить графине, я очень хотел бы, чтобы ты это сделала.

После чего он заперся у себя в комнате. В подробности его туалета нам, пожалуй, лучше не вдаваться.

Если бы я писал простую хронику тех давних событий, мне следовало рассказывать о них совсем по-другому: "Вот вам факты, господа.

Такой-то и такой-то сделал то-то и то-то, и это уж ваше дело его судить". Признаюсь, это выше моих сил – я не могу оставаться

беспристрастным свидетелем, я люблю всех моих героев и хочу, чтобы вы их тоже полюбили. Поэтому может показаться, что я кого-то

"выгораживаю". Но, по крайней мере, один из персонажей несколько не нуждается в моей защите. Относительно него двух мнений быть не может.

Конечно, я говорю о Виггз. Мы совершенно согласны с Гиацинтой: Виггз была лучшей девочкой в Евралии. Поэтому вы будете поражены (как был поражен я, притащив домой и прочитав семнадцатый том Роджера), что иногда Виггз могла быть такой же плохой, как любой из нас. Я имею в виду – по-настоящему плохо себя вести. Порвать передник или читать книги, с которых надо вытирать пыль, – это пустяки, это может случиться с кем угодно. Проступок Виггз был гораздо страшнее.

Представьте себе, она приняла бесчестное предложение принца Удо и три дня спустя, поставив под угрозу безопасность государства и на радость врагам короля, основательно потрудились над постелью графини, тщательно и крепко связав крест-накрест нижние концы пододеяльника и простыни. Получилось поистине великолепное сооружение – сам Архимед не смог бы его усовершенствовать, а Ньютон просто кусал бы себе локти от зависти. Виггз потратила на это все утро, и результат (хотя его нельзя было наблюдать собственными глазами, что является серьезным недостатком подобного способа сводить счеты с врагами) превзошел все ожидания. Промучившись с полчаса, графиня провела ночь в садовом гамаке, сочиняя полную горечи "Оду к Меланхолии".

Конечно, на следующий день Виггз здорово влетело – о том, чего графиня не знала, она вполне могла догадаться. Рассерженная Виггз, настроившись быть плохой хоть целую неделю, решила, что теперь снова ее очередь. Что бы такого придумать?

Внезапно ее осенило вдохновение: она была по-настоящему плохой целый день накануне. Такой случай упускать нельзя – можно загадать плохое желание!

Она сняла с шеи кольцо, подняла его вверх и громко произнесла:

– Я хочу... я хочу, чтобы графиня Бельвейн, – она остановилась, выбирая какую-нибудь действительно серьезную месть, – я хочу, чтобы графиня Бельвейн навсегда разучилась писать стихи!

Виггз задержала дыхание, ожидая удара грома или еще какого-нибудь ужасающего свидетельства гибели графининой музыки. Но вокруг царила необычайная тишина. И тут девочку охватило страшное чувство – ей казалось, что все на свете разом умерли, и, поняв, какой отвратительный поступок она совершила, Виггз добежала до своей комнаты, бросилась на кровать и горько зарыдала.

А теперь скажите мне, дамы и господа, могли бы вы раскаяться так скоро?

Час спустя Виггз пошла в сад графини посмотреть, что получилось. Кажется, она выбрала наиболее удачный момент, потому что Бельвейн была в зеленом.

Радость творчества заставила графиню начисто забыть о бессонной ночи и о том, кто был ее виновником, – таково уж наше ремесло. Она радостно приветствовала Виггз и, взяв ее за руку, повела между кустами роз.

– Я беседую со своими розами, – сказала она.

– Вот послушай:

В моем саду так много дивных роз ...

Которая из всех прекрасней - вот вопрос !

Карминно-красная иль розового цвета ?

А, может, алая, как небо в час рассвета ?

Какой из них мне посвятить куплет ?

Пожалуй, мне милее всех пунцовый цвет ...

И бабочка ...

Но нам не суждено ничего узнать о бабочке. Может быть, из-за Виггз мир понес неоценимую потерю, навсегда утратив гениальную строчку, посвященную чешуекрылым, потому что девочка прервала графиню, еле выговорив замирающим от волнения голосом:

– А когда вы это сочинили?

– Только что. Я еще не закончила стихотворение. Слушай дальше:

И бабочка ...

]Но Виггз выдернула руку и помчалась обратно во дворец. Ей необходимо было остаться одной и все как следует обдумать.

Что случилось? В том, что это настоящее волшебное кольцо, никаких сомнений быть не могло. В том, что ее желание было самым что ни на есть плохим и что она вела себя именно так, чтобы его заработать, она тоже была уверена. В чем же дело? Ответ был лишь один: плохое желание израсходовал кто-то другой.

Кто? Она никому не давала кольцо. Правда, она рассказала о нем принцессе, но...

И вдруг Виггз вспомнила: графиня держала кольцо в руках! Да, и она выслала Виггз из комнаты и...

В голове у Виггз накопилось столько разных мыслей, что она должна была с кем-то поделиться. Она побежала искать принцессу.

Глава 14

Почему вы не ведете себя, как Виггз?

Гиацинта сидела в библиотеке вместе с Удо. Удо теперь почти все время проводил в библиотеке, потому что надеялся выудить из множества умных книг подходящий к случаю Совет Джентльмену в Затруднительных Обстоятельствах. Гиацинта грустно составляла ему компанию. Какая была блестящая мысль – пригласить его в Евралию. Теперь она больше всего на свете хотела, чтобы эта мысль никогда не приходила ей в голову.

– Ну, Виггз, – обратилась она к девочке с ласковой улыбкой, – расскажи нам, что ты делала сегодня утром.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Удо оторвался от своего фолианта и кивнул.

– Я все поняла! – в величайшем возбуждении почти кричала Виггз. – Это графиня! Это она все сделала!

Удо презрительно оглядел ее с головы до пят.

– У принцессы Гиацинты золотистые волосы. Рано или поздно приходишь к подобному выводу.

И он снова уткнулся в книгу.

Виггз была озадачена и вопросительно взглянула на принцессу.

– Он имеет в виду, дорогая, – объяснила Гиацинта, – что это вполне очевидно и что мы давно об этом знаем.

Лицо Удо приняло самодовольное выражение, как у человека, только что изрекшего нечто, полное тонкой иронии.

Виггз так расстроилась, что чуть не заплакала, и Гиацинта по доброте душевной стала ее утешать.

– Мы не знаем наверняка – только догадываемся. Но теперь, когда тебе удалось узнать всю правду, я смогу ее наказать. Нет, не ходи со мной, – сказала она, направляясь к дверям. – Останься лучше с его высочеством. Может быть, тебе удастся найти книгу, которая ему нужна.

Я думаю, ты прочитала куда больше моего.

Оставшись наедине с принцем, Виггз некоторое время молчала и только беспокойно на него поглядывала.

– А вы все знаете про графиню? – спросила она наконец.

– Если я чего-нибудь и не знаю, то это наверняка что-нибудь плохое.

– Значит, вы знаете, что это все из-за меня? О, милый принц Удо, мне так жаль...

– Как это "из-за тебя"?

– Ну, потому что это же мое кольцо.

Удо почесал задней лапой за ухом – озабоченно, но очень мило.

– Расскажи мне все с самого начала. Похоже, тебе действительно удалось узнать что-то важное.

И Виггз рассказала ему, как фея дала ей кольцо, как графиня взяла его и как Виггз обо всем догадалась сегодня утром.

На Удо это произвело сильное впечатление. Он рысцой трусил взад и вперед по библиотеке и что-то бормотал себе под нос. Когда Виггз закончила, он остановился.

– Кольцо еще годится? Я имею в виду, ты еще можешь загадать желание?

– Да, только одно.

– Тогда пожелай, чтобы она превратилась в... – Он перебирал в уме самых противных зверей. – Как насчет паука?

– Но это плохое желание.

– Да, но теперь ее очередь.

– О, но у меня осталось только хорошее желание. – Она восторженно добавила: – И я знаю, что я загадаю!

Удо тоже знал. Или, по крайней мере, так думал.

– Ты милая девочка, – сказал он, бросив на нее признательный взгляд.

– Да, именно это – чтобы я могла танцевать, как фея!

Удо не поверил своим ушам, а уж такие уши были как нельзя лучше приспособлены к тому, чтобы слушать как следует.

– Но чем это поможет мне?! – и он указал лапой на себя.

– Но это же мое кольцо, – удивилась Виггз. – И конечно, я попрошу танцевать, как фея. Я уже давным-давно собираюсь.

Ребенок оказался возмутительно эгоистичным. Удо решил зайти с другой стороны.

– Конечно, я ничего не имею против танцев как таковых. Но думаю, ты от этого скоро устанешь, как я устал... от салата.

Теперь Виггз поняла.

– Вы хотите, чтобы я пожелала превратить вас обратно в принца?

-- Да, – небрежно проговорил Удо, – это только что пришло мне в голову, как пример по-настоящему хорошего желания.

– И значит, я никогда не буду танцевать, как фея?

– И я тоже не буду, если уж на то пошло. (Просто удивительно, до чего же непонятлива эта девочка!)

– О, это слишком жестоко, – воскликнула Виггз, топнув ногой. – Я больше всего на свете хочу танцевать.

Удо решил нарисовать мрачную картину своего будущего.

– Всю жизнь провести за проволочной сеткой... Вечно бояться красноглазых хорьков... Питаться одной овсянкой неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом, век за... Сколько вообще живут кролики?

Но Виггз не дала себя разжалобить.

– Ни за что не расстанусь со своим желанием! – сказала она убежденно.

Удо с достоинством поднялся на все четыре ноги.

– Ну что ж, как хочешь... Есть масса других способов снимать чары. Выучу одно стихотворение нашего придворного поэта Сахарине и прочту его задом-наперед в новолуние... Что-нибудь в этом роде... Прекрасно обойдусь и без тебя. Оставайся со своим желанием.

Он медленно вышел из библиотеки. Хвост, который сейчас более обычного напоминал шнурок от звонка, торжественно тащился за ним следом. Кисточка, за которую обычно тянут звонок, задержалась в дверях, потом она дернулась и исчезла, а Виггз осталась одна.

– Не отдам своего желания! – крикнула Виггз вслед принцу. – Я пожелаю прямо сейчас, а то вдруг передумаю. – Она подняла кольцо. – Я хочу, чтобы...

– И тут она замолчала. – Бедный принц Удо, он такой несчастный... Интересно, так ли уж хорошо хотеть танцевать, когда кому-то очень плохо? – Она немного поразмышляла и приняла великое решение.

– Да, – твердо сказала она. – Я его расколдую!

Она снова подняла кольцо.

– Я хочу, – начала она, – чтобы принц Удо...

Я знаю, что вы хотите сказать. Глупо было с ее стороны загадывать хорошее желание, потому что накануне она вела себя просто отвратительно. Как можно было думать...

Она и не думала – она вовремя вспомнила.

– Вот досада! – сказала Виггз, стоя посреди библиотеки с поднятыми вверх руками. – Сначала же надо целый день быть хорошей!

Итак, следующий день стал великим днем Виггз. Легенды о нем передавались в Евралии из поколения в поколение. Он попал во все

календари – двенадцатое июля – отмеченный красной звездочкой. Роджер посвятил ему целую главу своего труда. Собирались даже

объявить этот день государственным праздником, да потом почему-то раздумали. Все мамы в Евралии, ругая непослушных детей,

говорили: "Почему ты не можешь вести себя, как Виггз!", а дети говорили друг другу, что никакой Виггз вовсе и не было и что это все

нарочно выдумали взрослые. Однако положитесь на мои слова – это правда!

Виггз начала с того, что встала в пять утра и очень тщательно привела себя в порядок (не забыв аккуратно выжать губку, что очень важно),

потом заправила постель и прибрала комнату. Сначала ей пришла в голову мысль разбудить всех взрослых во дворце, чтобы они тоже

могли порадоваться прекрасному утру, но после недолгого размышления она решила, что это необязательно. Поэтому, вытерев пыль в

Тронном Зале и проделав несколько несложных гимнастических упражнений, она вышла на улицу и занялась домашними животными.

За завтраком она съела три порции чего-то очень питательного (о чем графиня говорила, что от него хорошо растут) и только одну порцию

джема. Она все время сидела прямо и ни разу не отпила из чашки, не проглотив того, что было во рту. А это тоже очень важно! После

завтрака Виггз высыпала крошки на газон для малиновок и принялась за работу.

Сначала она вытирала пыль, потом мела, мела и мела, потом шила, шила и шила. Когда кто-нибудь старший входил в комнату, она

вставала, делала реверанс и стояла, заложив руки за спину, ожидая, пока с ней не заговорят. Когда кто-то вдруг вспоминал: "Интересно,

куда девались мои очки?", она вскакивала и говорила: "Позвольте, я принесу...", даже если надо было бежать наверх.

После обеда она собрала корзину провизии и стала обходить бедных женщин. Некоторым она пела или читала вслух, а когда в одном доме

ее попросили станцевать, она нашла в себе достаточно мужества, чтобы с улыбкой ответить: "Боюсь, я не умею танцевать". Мне кажется, это

был самый настоящий подвиг, и, будь я феей, я простил бы ей остаток дня.

Вернувшись во дворец, она выпила два стакана горячего молока с пенками, потом прополосала газон в саду графини, а когда случайно

наступила на цветочную клумбу, то оставила след, вместо того чтобы быстренько разровнять землю и сделать вид, что и близко к тому месту

не подходила, как сделал бы всякий на ее месте.

И в половине седьмого она поцеловала всех (включая Удо), пожелав им доброй ночи, и отправилась спать.

Так окончилось двенадцатое июля, возможно, самый знаменательный день в истории Евралии.

Удо и Гиацинта мирно провели великий день в библиотеке. Джентльмен до самых кончиков шерсти, Удо не рассказал принцессе о том, что

Виггз отказалась ему помочь. Кроме того, в нем разыгралась мужская гордость. Превратиться в помесь трех зверей по желанию

тридцатилетней женщины и превратиться опять в принца по желанию десятилетней девочки – это, по-видимому, как раз и означает "стать

игрушкой в руках прекрасного пола". Пора было самому о себе позаботиться.

– Как же начинался этот отрывок у Сахарино? Минутку... Кровь за что-то, что-то, что-то. Он кто-то, кто-то, кто-то. Что-то в этом роде. Я

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

помню, там была кровь.

– Я уверена, что вы вот-вот вспомните, – сказала Гиацинта. – Похоже, это как раз то, что нужно.

– О, сейчас вспомню. Некоторые слова куда-то подевались... Кровь... ээ... кровь... Это насчет крови для кого-то. Вы не можете не знать.

– Я точно знаю, что где-то это слышала. – Принцесса, наморщив лоб, изо всех сил пыталась хоть что-нибудь припомнить. – Да, это о том, что... ээ...

– Да, это оно, – сказал Удо.

Они оба уставились в потолок и стали шевелить губами, склонив голову набок.

Но настал новый день, а они так ничего и не вспомнили.

Наскоро перекусив, они вернулись в библиотеку.

– Мне кажется, лучше всего написать Лионелю и попросить его.

– Я думала, его зовут Сахарино.

– О нет, это не поэт. Просто мой друг. Но в поэзии он разбирается неплохо. Все дело в том, что письмо слишком долго идет.

При слове "письмо" Гиацинта вздрогнула.

– Принц, я никогда себе не прощу! Я только что вспомнила – отец прислал мне в письме маленькое стихотворение. Он его сам сочинил.

Отец говорит, что оно как раз очень хорошо снимает...

– Что "снимает"?

– Ну, заклятия и тому подобное...

Удо немного рассердило "и тому подобное", как будто превращение его обратно в принца ничем не отличается от, скажем, удаления ржавчины со шлема.

Гиацинта продекламировала:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

– Это звучит так, что кажется действительно может снять что угодно, – сказала она с улыбкой.

Удо выпрямился.

– Сейчас попробую. Надо ли при этом что-нибудь делать?

– Кажется, нет. Знаете, вам просто надо произнести это так, как будто вы это имеете в виду.

Удо сел и, размахивая левой лапой, продекламировал:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол!

Он устремил взор на передние лапы, ожидая превращения.

Он ждал...

И ждал...

Ничего не произошло.

– Должно подействовать, – тревожно заговорила Гиацинта. – Я уверена – отец не мог ошибиться. Попробуйте вот так.

Она повторила строчки таким чарующим голосом и в то же время так достойно и твердо, что казалось, даже книги в библиотеке вот-вот возьмут и снимутся со своих мест на полках.

Удо подражал ей как мог.

В то время как Виггз ложилась спать, он повторял стишок примерно в пятидесятый раз.

Гиацинта совсем пала духом.

– Мне очень жаль. Может быть, оно совсем не так хорошо, как считает отец.

– Есть еще шанс, – решил Удо. – Может быть, надо на голодный желудок. Попробую утром до завтрака.

А наверху Виггз snились танцы, с которыми она прощалась навеки.

А что в это время делала графиня Бельвейн, никому не известно.

[Далее...](#)